

Сагиндык КЕНЖЕБАЕВ,
бывший первый секретарь
ЦК ЛКСМ Казахстана

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О ПАНТЕЛЕЙМОНЕ КОНДРАТЬЕВИЧЕ

Пантелеймон Пономаренко родился в семье крестьянина, на хуторе Шелковском Белореченской волости Майкопского района Кубанской области (ныне Белореченский район Краснодарского края). Украинец.

В 1918 г. был призван в Красную Армию. Участник гражданской войны. С 1919 г. работал на нефтепромыслах, затем на железнодорожном транспорте. С 1922 года был на комсомольской работе. В 1932 году окончил Московский институт инженеров транспорта и до 1936 года служил в РККА. С 1936 года – инженер Всесоюзного электротехнического института.

В 1937 году, в самый разгар «чистки» в партии, Пономаренко становится инструктором, а вскоре заместителем заведующего отделом руководящих партийных органов ЦК.

18 июня 1938 года вместе секретарем ЦК ВКП (б) Андреевым он прибыл в Минск. Несмотря на то, что съезд Белорусской компартии к тому времени успел избрать состав ЦК, А. А. Андреев жестко заявляет, что секретарь ЦК КП(б) Белоруссии А. Волков не справляется со своими обязанностями и в этой связи нужен новый человек. И он есть. Представление состоялось. Пантелеймону Пономаренко оставалось принять дела.

Сам Пономаренко так вспоминал тот эпизод своей биографии. «Нас встретил первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии А. А. Волков. Оказалось, съезд уже закончил работу. Новый состав ЦК и ревизионная комиссия избраны, но объявление результатов голосования отложено до вечернего заседания. Вечером на этом заседании с короткой речью выступил А. А. Андреев: «Центральный комитет ВКП(б) считает, что Волков не справляется со своими обязанностями. Товарищ Волков человек честный, ему не предъявляется никаких обвинений, но ЦК считает необходимым его заменить. ЦК ВКП(б) рекомендует вам ввести в состав ЦК партии Белоруссии товарища Пономаренко П. К.,

молодого работника, хорошо зарекомендовавшего на работе в отделе руководящих органов ЦК ВКП(б). Если есть к нему вопросы, он на них ответит».

В 1938 г., после постановления январьского (1938 г.) пленума ЦК «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных и ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков», «чистки» в партийном и государственном аппарате постепенно пошли на убыль. Однако тогда во многих местах продолжались репрессии под девизом борьбы с «неразоружившимися врагами партии и народа». В хозяйственных и партийных органах по-прежнему царил душная атмосфера клеветы, нашептывания, доносов, чем умело пользовались разного рода карьеристы, авантюристы и прочие негодяи, стремившиеся устранить конкурентов и сделать себе карьеру на репрессиях.

Сталин, решив задачу устранения своих политических противников в партийном руководстве, был заинтересован в свертывании репрессий, но запущенную им машину репрессий остановить уже было крайне сложно, особенно в регионах.

В подтверждение этого суждения можно сослаться на воспоминания Артема Сергеева, воспитанного в семье Сталина (его отец трагически погиб вскоре после Гражданской войны). Он утверждает в своих воспоминаниях «Беседы о Сталине», что направление Пономаренко в Белоруссию было напрямую связано с обеспокоенностью вожда бесконтрольностью местных органов НКВД, которые все больше действовали автономно. Кстати, в мае, за месяц до прибытия в Минск По-

номаренко, там заменили главу республиканского НКВД – вместо Бориса Бермана им стал Алексей Наседкин, призванный «оптимизировать» аресты. В трактовке Артема Федоровича это выглядело так:

«Это было в 1938 году. Иосиф Виссарионович дал ему (Пономаренко) четкие указания: прекратить репрессии. Сталин сказал: «Чего они добиваются? Что им нужно? Там так много людей пострадало, и до сих пор репрессии продолжают. Уже был пленум ЦК партии по этому вопросу (пленум проходил в январе 1938 года). А они не унимаются. Поезжайте, наведите порядок – остановите репрессии».

Пономаренко спросил: «А как это сделать?» Сталин посоветовал: «Идите в тюрьму. Берите дела, знакомьтесь с ними, вызывайте осужденного, выслушайте его, и если считаете, что он осужден незаслуженно, то открывайте двери и пусть идет домой».

Пономаренко ответил: «Но, товарищ Сталин, там местные органы и разные ведомства могут быть недовольны моими действиями и воспротивиться». Сталин подтвердил, что, конечно, не для того они сажали, чтобы кто-то пришел и выпустил. Но ведомств много, а первый секретарь ЦК один. И если не поймут, поясните им это. От того, как вы себя поставите, будут зависеть ваш авторитет и успешность работы.

Пантелеймон Кондратьевич по призыву на место, как и посоветовал Сталин, пошел в тюрьму, запросил дела. И стал осужденных вызывать к себе по одному. Ну, вот такие, например, были заключенные. В деле одного говорится: «Неоднократно нелегально переходил государственную границу». Да, формально – действительно. Поскольку, когда в 1920 году произошел раздел границ, белорусское местечко оказалось разделенным на польскую и нашу части. Семьи некоторые даже оказались разделены. Этот в то время осужденный гражданин гнал хороший самогон. А на польской стороне – сухой закон. За самогоном к нему приходил с польской стороны...

Пономаренко, выслушав, говорит ему «Иди домой. Прямо из кабинета – свободен». А мужик отказывается: «Как это иди? До дома далеко, мне надо сначала свою пайку получить. А это будет завтра утром. Что я, до деревни голодным должен добираться? Нет, я подожду пайку».

Ушел, когда получил свою пайку.

Еще один сиделец. Поэт. Написал поэму «Сталин». Начинается первая строка на букву «В», вторая – на «О», третья на «Ш». В результате – акrostих, получается: «Сталин – вошь». Пономаренко отпускает его и говорит посадившим: «Вы – неграмотные люди. «Вошь» пишется с мягким знаком».

В итоге почти всех отпустил. Конечно, в местных органах и ведомствах были недовольные – это была их работа. Но Пантелеймон Кондратьевич сказал: «Решайте, по какую сторону тюремной стены вам больше нравится». Недовольные, видимо, быстро поняли, что это не остроловие, а предупреждение, и все пошло, как надо.

Когда Пономаренко докладывал об этом на Политбюро, Сталин сказал: «Передайте товарищам наше сочувствие, а поэтому скажите, пусть и о тараканах не забывают. Дураков у нас еще много».

Истины ради следует сказать, что аресты в Белоруссии при Пономаренко не прекратились. Но, как справедливо указал один из исследователей жизненного пути Пономаренко, если бы в то время не приходили за другими, то пришли бы за ним самим.

Вторим, имеющиеся факты позволяют утверждать, что Пономаренко пытался ограничить масштабы «чисток». Так, он потребовал от руководителя республиканского НКВД Наседкина – о чем тот позднее письменно доложил новому главе НКВД БССР Берии – отстранить от выполнения служебных обязанностей всех работников, которые принимали участие в избиениях арестованных. Но от этой идеи пришлось отказаться: Наседкин объявил первому секретарю ЦК, что «если пойти по этому пути, то надо 80 процентов всего аппарата НКВД БССР снять с работы и отдать под суд».

К концу 1939 года Сталин и сам все больше понимал, что с репрессиями он «перегнул палку». В декабре, как вспоминал позднее Пономаренко, он докладывал вождю в Москве о ситуации в Белоруссии и затронул вопрос о «нарушениях социалистической законности». Сталин подошел к нему и вдруг сказал с горечью, как бы оправдываясь:

– Люди на руководящие посты попадают случайные, выслуживаются, как могут. А партия – единственное ведомство, которое должно наблюдать за работой

всех, не допускать нарушений. Вы представляете в Белоруссии силу, выше которой ничего нет. Вы можете в любое время поднять трубку телефона и сказать мне, с чем или с кем вы не согласны. У вас неограниченные полномочия. Надеюсь, вы меня правильно поняли?

В 1939 году Пономаренко избрали членом ЦК ВКП(б), тогда же ему по должности пришлось стать членом Военного совета Белорусского военного округа и принимать участие в руководстве войсками, вошедшими на территории западной Белоруссии. А в июне 1941 года он вместе с командованием округа испил до дна горькую чашу жестокого поражения советских войск. Но в отличие от военачальников, попавших под расстрел, судьба его хранила. Очевидно, Сталин считал, что за разгром войск и сожженные на белорусских аэродромах самолеты должны ответить военные.

город освободили части регулярной советской армии.

Надо упомянуть еще об одном, во многом именно от жесткой позиции Пантелеймона Пономаренко зависело то, в каких границах будет существовать тогдашняя БССР, правопреемницей которой стала впоследствии Республика Беларусь.

Новой ступенькой восхождения Пантелеймона Кондратьевича на олимп власти стала должность секретаря ЦК ВКП(б), на которую он был избран 1 июля 1948 года. Одновременно, с октября 1950 по декабрь 1952 года, он работал на посту министра заготовок СССР, пока не стал одним из заместителей Сталина по Совмину СССР. Это были нелегкие годы для тех, кто находился на вершине власти. Страна постепенно приходила в себя после тяжелейшей войны, но в кругах высшей номенклатуры напряжение по-прежнему не спадало. Было ясно, что Сталин все за-